

Рецензия
на выпускную квалификационную работу
обучающегося СПбГУ
Сидоровой Надежды Борисовны
по теме
«Немецкие кальки в русском литературном языке XIX века»

Словообразовательное калькирование – очень интересный вид взаимодействия лексических систем разных языков – и достаточно сложный для изучения, поскольку, в отличие от лексических заимствований, кальки ничем внешне не отличаются от исконных слов языка-реципиента, состоят из исконных морфем и имеют внутреннюю форму, а точные совпадения структуры и семантики лексем в разных языках не всегда свидетельствуют о калькировании, поскольку могут появиться в результате сходных словообразовательных процессов в этих языках.

Как пишет Надежда Борисовна Сидорова на с. 4, «целью предстоящего исследования станет выявление закономерностей словообразовательного калькирования немецких форм в переводном письменном тексте XIX века: Штекгардт Ю.А. Юридическая пропедевтика». (На самом деле, в соответствии с оригиналом, автор – Р. А. Штекгардт.) И если исключить неверное для уже проведенной работы будущее время, обозначенная **цель** звучит вполне достойно. Не вызывает сомнения **актуальность исследования**, поскольку, как пишет автор, немецкие кальки в текстах XIX века изучены недостаточно. Очень убедительно доказывается **выбор источника работы**. (На с. 4 приводится целых 4 причины – и все они подтверждают обоснованность выбора текста для исследования.) Правильно указан **объект исследования** – лексические (словообразовательные) кальки в тексте XIX века.

А вот **тема** работы сформулирована не вполне корректно и излишне широко. Во-первых, слово *кальки* требует в русском языке распространения родительным падежом с предлогом: *кальки с немецкого языка*. Во-вторых, после заглавия был бы уместен подзаголовок, уточняющий, что в ВКР рассматриваются далеко не все «немецкие кальки» в русском литературном языке XIX века, а только те, которые встретились в проанализированном тексте. В-третьих, заглавие нуждается и в уточнении другого рода. Как следует из описания материала в исследовательской части, в поле зрения автора попадают не только кальки, но и переводы сложных немецких слов при помощи словосочетаний – а таких случаев встречается немало, и Н. Б. Сидорова называет такой способ перевода «отказом от калькирования». (Это раздел 2 «Многморфемное слово с двумя (или более) корнями переводится при помощи сочетания прил.+сущ.», с. 40, 12 словосочетаний, раздел 3 «Многморфемное слово с двумя (или более) корнями переводится при помощи сочетания сущ. в И.п.+сущ. в Р.п.», с. 43, 5 сочетаний, раздел 4, в котором представлены также словосочетания, но других типов – еще 6

сочетаний.) Описание всех этих 23 словосочетаний русского перевода на месте сложных слов немецкого текста неуместно в работе с названием «кальки», но вполне уместно в работе с названием «Способы перевода сложных слов немецкого языка на русский язык (на примере конкретного текста)».

Для достижения цели автор формулирует целых **9 задач** (с. 4), и такое их количество кажется избыточным. При этом первые две задачи начинаются с общей формулировки «изучить теоретическую литературу» и различаются лишь объектом описания в указанной литературе. А задачи с 4 по 8 касаются анализа разных групп материала или разных видов анализа материала, что также можно было бы обобщить. Все эти 5 задач решаются на 20 страницах, озаглавленных «Анализ словообразовательных калек...» (с. 26-45).

Н. Б. Сидорова внимательно изучила **теорию вопроса** во всех, важных для ее исследования, аспектах. В списке научной литературы (с. 49-51) указаны 35 научных статей и монографий, 4 из которых на иностранных языках (немецком, английском и польском). Целые две главы (части? два раздела?) работы посвящены описанию теории (с. 6-25). Надежда Борисовна знакома с различными классификациями заимствований в целом и калек в частности, грамотно излагает мнения исследователей, охватывает весь временной диапазон теории калькирования, начиная с работ 1950-х годов и заканчивая современными исследованиями, завершая изложение в первом подразделе указанием на выбранную ею классификацию. Во втором подразделе Н. Б. Сидорова уделяет внимание процессам в истории русского литературного языка, касающимся заимствования и калькирования, правда, только в языке XVII – XIX веков, а не всех вообще периодов истории русского литературного языка, как можно было бы предположить, исходя из заглавия. (При этом в корректировке, а именно в уточнении, сужении временных границ нуждается именно формулировка заглавия данного раздела, а не само описание, которое полностью соответствует цели и задачам исследования.)

Структура работы логична, однако вызывает сомнение необходимость выделения второй части (главы? раздела?) «Понятие о норме русского литературного языка в XIX веке» в работе, посвященной анализу «немецких калек», между частью «Понятие калькирования» (внутри которой уже есть подраздел «История русского литературного языка с точки зрения заимствований и использования калькирования») и частью «Анализ словообразовательных калек в тексте Р. А. Штеггардта *Юридическая пропедевтика*». Приводимые в этой главе факты интересны и важны, однако они вполне могли бы войти в указанный подраздел предыдущей части.

К сожалению, ни один из разделов исследования, ни одна глава (если будем придерживаться общепринятой системы номинаций) не заканчивается выводами. Между тем выводы по главам являются обязательным элементом структуры любого научного текста.

Особенно досадно отсутствие подытоживающих суждений в конце исследовательской части (с. 26-45), в которой Надежда Борисовна подробно описывает собранный и классифицированный ею материал.

К досадным оплошностям также относится отсутствие сведений об объеме проанализированного материала как во Введении, так и в начале исследовательской части (и не только в начале). Цифра появляется только в Заключении, где она уместна, однако не менее уместна характеристика объекта описания уже в самом начале исследования, в разделе Введение.

Также отсутствует, к сожалению, в Содержании указание на внутреннее деление исследовательской части – при том, что в тексте главы оно имеется: материал описывается не сплошным массивом, а по группам, выделенным автором. Поэтому развернуто представленная в Содержании теория и лаконично обозначенная практика создают впечатление диспропорции, на самом деле не свойственной рецензируемой работе. Напротив, анализ словообразовательных калек разных видов выполнен Надеждой Борисовной очень вдумчиво, с опорой на научную литературу, грамматики и словари. Чтобы правильно определить, являются ли анализируемые слова кальками с немецкого языка, каждый раз проводится небольшое сопоставительное исследование данных латинского, немецкого, французского и русского языков.

Весь корпус материала классифицируется по объективным показателям: один или два и более корней содержат кальки (с. 27). Дальнейшее деление лексем, как пишет автор, осуществляется по параметру «точные/неточные кальки». И несколькими строками ниже в тексте присутствует фраза: «Предлагается также несколько подгрупп по способам перевода сложных слов» (с. 28). Однако после первого заявленного заголовка «Многоморфемные слова с одним корнем» мы видим не оговоренную выше оппозицию: «1) Кальки, в XIX веке уже освоенные в литературном языке и отмеченные в словаре Н. С. Араповой» (с. 28) – «2) Слова, не описанные в словаре Н. С. Араповой, но морфемная структура которых совпадает со структурой немецких, латинских и французских слов, что говорит нам об их более глубоком родстве и калькировании на гораздо более ранних этапах, чем период XIX века» (с. 29) – «3) Морфемная структура русского и немецкого слова совпадает, но это совпадение связано со схожей словообразовательной системой русского и немецкого языков и не является калькированием» (с. 33) – «4) Некоторые примеры, стоящие особняком в контексте исследуемого материала» (с. 34).

После второго заявленного заголовка «Многоморфемные слова с двумя и более корнями» (с. 36) находим следующее деление: «1) Случай, когда слову с двумя (или более) корнями в тексте-источнике соответствует слово, полностью аналогичное по своей морфемной структуре слову в русском переводе» (с. 36) – «2) Многоморфемное слово с двумя (или более) корнями переводится при помощи сочетания прил.+сущ.» (с. 40) -- «3) Многоморфемное слово с двумя (или более) корнями переводится при

помощи сочетания сущ. в И.п.+сущ. в Р.п.» (с. 43) – «4) В отдельную группу объединим многоморфемные слова более чем с одним корнем, для которых автор использует особые, реже встречающиеся в его тексте способы их передачи на русский язык» (с. 44). Дальнейший просмотр текста показывает, что это все подразделы, в нем представленные, и, к сожалению, не отраженные в Содержании.

Что касается логичности выделения именно таких подразделов, представляется, что все группы, объективно противопоставляемые друг другу, несомненно, организуются в систему (подразделы второго раздела). Однако такой показатель, как наличие или отсутствие фиксации слов в словаре Н. С. Араповой кажется нерядоположенным с другими критериями, касающимися самой сути описываемых единиц. Тем более, что и во втором разделе, где оппозиция наличия / отсутствия единиц в словаре Н. С. Араповой не заявлена на уровне классификации, при непосредственном описании отдельных лексем встречаются комментарии следующего вида: «Точная калька с немецкого языка, отмечена у Араповой» (с. 37, глагол *противопоставить*), а также: «Неточная калька с немецкого языка, в словаре Араповой не отмечена» (там же, сущ. *правовед*). Иными словами, во втором разделе при очень многих единицах содержится информация о том, отмечены ли они в словаре калек. (Возможно даже, что данный критерий был обязательным при обработке каждой единицы, но не везде получил отражение в тексте исследования.) Конечно, указанный критерий является важным при описании немецких калек в русском языке, но, вне всякого сомнения, формальным, не имеющим отношения к типологии калек.

Поскольку примеры, описываемые в работе, даются по указанным выше подразделам в виде нумерованного списка, пришлось их пересчитать. Выяснилось, что в тексте работы получили подробную характеристику 70 единиц. В связи с этим возникает вопрос: в Заключении говорится, что была проанализирована 121 единица. Но нигде не написано, как отбирались примеры, описанные в исследовательской части.

Вместе с тем описание материала проведено вдумчиво и тщательно. Сопоставляя немецкое слово и его русский перевод с данными французского и латинского языков, Н. Б. Сидорова дает морфемное членение лексем в сопоставляемых языках, сравнивает значения морфем и делает осторожные выводы о наличии калькирования слов в каждом случае, о том, из немецкого языка или из латыни могла прийти в русский язык та или иная калька, относится ли вхождение к XIX веку или к более ранним периодам. К несомненным достоинствам работы относятся не только точное описание материала, продуманность анализа, но и осторожность при отнесении описываемых лексем к той или иной разновидности: «Можно говорить о возможной кальке с немецкого языка или же лишь о схожей словообразовательной системе двух языков. Такие случаи требуют гораздо более глубокого этимологического и сопоставительного анализа двух языков» (с. 34, анализ лексемы *проистекать*). Или: «Перед нами, скорее,

контекстуальный перевод, синонимичное слово, похожее на кальку, но это не случай калькирования» (с. 36, анализ слова *противоборствование*). Когда же немецкое и русское слово идентичны как по морфемному составу, так и по семантике, вывод делается однозначный: «Структура слов абсолютно совпадает, калька точная, отмечается в словаре Араповой как калька с немецкого языка» (с. 37, лексема *многосторонность* – почему-то приводимая как в тексте, так и в приложении в форме мн. числа *многосторонности*). Надежда Борисовна не избегает спорных случаев, объясняя, по возможности, и их тоже: «Дословный перевод немецкого контекста: *существа, чувственно разумные (или здравомыслящие)*. В немецком контексте два слова, в русском – сложное слово с двумя корнями, таких примеров в исследуемом отрезке текста очень мало, на первый взгляд – перед нами калька, но при сопоставлении перевода с оригиналом мы видим, что это – словотворчество автора. Слово *чувственноразумный* не встречается в НКРЯ, также его нет в толковых словарях» (с. 39). Данный пример, как видим, изначально не может быть отнесен к калькам (поскольку в оригинале представлено словосочетание), однако, безусловно, весьма интересен в плане сопоставления лексики оригинального текста и перевода.

При описании четырех лексем автор приводит данные по их фиксации в НКРЯ (с. 34 – *предушение*, с. 35 – *противоборствование*, с. 39 – *чувственноразумный* и *благоприобретенный*). Однако нигде в тексте работы не сказано, для чего это делалось и насколько регулярно, какая цель при этом преследовалась.

В Заключении автор снова возвращается к мысли о важности описания калек, говорит о необходимости учета экстралингвистических факторов – что является излишним в данном разделе работы – однако далее переходит непосредственно к выводам собственного проведенного исследования. Именно здесь сообщается, что была проанализирована 121 единица, при переводе которых в 15 случаях задействованы уже существовавшие кальки, 51 единица позволяет «говорить о возможном калькировании на гораздо более ранних этапах развития русского языка и, в частности, языка русской науки и юриспруденции» (с. 47), а 61 «форма» переводятся иначе, «при передаче на русский язык автором эти многоморфемные слова не калькировались, а переводились при помощи словосочетаний или причастных оборотов». То есть кальками ровно половина рассмотренных примеров не является. После этого, сообщается, что «немецкому языку гораздо более свойственно образование слов на основе двух и более корней, в русском языке в таком случае **чаще всего** используется словосочетание, причастный или сравнительный оборот», что отнюдь не следует из проведенной работы.

На стр. 53-61, в Приложении, как пишет автор, «приводится полный список выбранных для анализа единиц». Однако это не просто список слов (хотя и не пронумерованный). В каждом немецком слове выделяются морфемы и указывается значение каждой из них. Таким образом, каждый

пункт этого списка – свидетельство того, как соотносятся между собой слово или словосочетание русского перевода и слова немецкого языка. К сожалению, материал дается неупорядоченно, не по алфавиту, и при нем не дается отсылок к страницам описания.

В тексте ВКР присутствуют логические неточности. Например, на с. 8 читаем: «Если слово-калька давно вошло в русский язык, оно воспринимается как исконно русское слово (например, глагол "выглядеть", который является калькой с немецкого), потому что носитель языка чувствует внутреннюю мотивированность и четкость образа, который лежит в основе структуры слова». Между тем мотивированность и образность, о которых пишет Надежда Борисовна, присуще кальке изначально, и временной фактор не влияет на восприятие калькированных слов.

К техническим недочетам относится наличие пункта «Содержание» в Содержании работы. Во Введении выполненная работа описывается как предполагаемая (В настоящем исследовании предполагается обратиться..., актуальность предстоящего исследования..., целью предстоящего исследования станет...)

Непонятно, почему автор считает, что слова «*взаимопроникновение* или *взаимопроникать* звучат ошибочно» (с. 36), «открытым остается вопрос, почему слово *взаимопонимание* в русском языке возможно, а *взаимопроникновение* – нет». Этих лексем нет в последних изданиях МАС и в первом издании БАС (БАС-1), но они имеются в БАС-3 (Вып. 2, с. 491), где указаны, между прочим, их предшествующие фиксации в словарях русского языка – для глагола это Словарь новых слов 1984 года, а для существительного – МАС 1957 года и БАС 1991 года (БАС-2). Есть эти слова и в Современном толковом словаре русского языка под редакцией Т. Ф. Ефремовой.

Немецкий оригинальный текст называется в работе «текстом-исходником» (с. 27 и 36). Однако слово *исходник* как раз (в отличие от предыдущих слов) отсутствует в литературном русском языке, в современных словарях сопровождается пометой «жаргонное» и совершенно неуместно в научном стиле.

На с. 8 утверждается, что *гром* и *молния* – синонимы («Неточные кальки: в таком случае одна из морфем переведена неверно (*Blitzableiter* – *громоотвод*), однако образ считывается довольно точно, потому что неверно переданная морфема синонимична с подходящей»).

Автор важнейшего для данного исследования словаря именуется то «Н. С. Арапова» (с. 6), то «Н. А. Арапова» (с. 7). А автор немецкого текста на одной и той же с. 4 указывается то как Штекгардт Ю. А., то как Штекгардт Р. А.

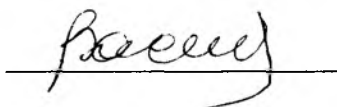
Некоторые анализируемые слова, как пишет автор, «можно подозревать на калькирование» (с. 27). В ряде случаев нарушаются нормы грамматики русского языка («могло породить смешению» – с. 3, «огромное

число заимствований с французского» – с. 18, а также «наличие термина на русском языке» и «знание термина на французском или немецком» (с. 23).

В список научной литературы входят, наряду с монографиями и научными статьями, грамматики (которые лучше было бы включить в следующий раздел, где представлены словари), а также учебная литература (28. Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка. М., 1972), которую не принято указывать наряду с другими публикациями.

Несмотря на указанные недочеты, работа соответствует требованиям, предъявляемым к ВКР и заслуживает положительной оценки.

«10» июня 2018 г.

(Васильева О. В.)